

Коридор был тускло освещён и постоянно ветвился. На каждом перекрёстке Ци Гу оставлял немного киновари как метку, однако всё время шёл по ощущению — и ни разу снова не увидел ни одной собственной отметки.

То есть ни разу не вернулся назад.

Для человека с настолько чудовищно плохой удачей, как Ци Гу, это было крайне ненормально.

Он просто шёл куда хотелось — и среди бесчисленных маршрутов раз за разом выбирал единственный правильный.

Ещё страннее: за десять с лишним минут они не встретили ни одного восставшего трупа. Лишь слышали их рёв и скрежет ногтей.

— Думаю, мы пока всё ещё во внешних коридорах. Чтобы увидеть восставшие тела, нужно пройти ещё через одну дверь, — предположил Линь Ханьчжи.

Теперь они почти бежали.

Чем скорее закончат здесь, тем скорее смогут выбраться и помогать снаружи.

А если не решат проблему здесь, то даже уничтожение всех злых духов наверху ничего не даст.

Очередная развилка. Ци Гу и Линь Ханьчжи оба инстинктивно шагнули в более узкий левый проход.

Они посмотрели друг на друга и увидели во взгляде собеседника одинаковый вопрос. А затем одновременно сказали:

— Интуиция.

Ци Гу задумался.

После ещё одного длинного коридора они вышли в просторную погребальную камеру. Никаких роскошных украшений здесь не было. Только гроб оказался больше обычного, хотя материал был самый простой.

Они остановились перед ним. Словно по совпадению половинки Подвески единого сердца на их левом и правом запястьях столкнулись и тихо звякнули.

— Внутри похоронен...

— Тот самый глава Сытяньцзяня?

Часть зрителей уже добралась до безопасных зон, объявленных Управлением. Теперь люди собирались группами и смотрели шестой выпуск «Тайн потустороннего» на больших экранах, установленных в убежищах. На лицах у всех была тревога.

□Я уже в безопасной зоне! Здесь столько людей. Видно, что Управление действительно давно всё подготовило: оборудование полное, всё продумано□

□Гугу, Чжичжи, давайте!!!□

□Какой огромный гроб. Это гроб для совместного захоронения?□

□Кстати, кто вообще построил такую огромную подводную территорию? Это же должно стоить безумных денег□

□Это случайно не императорская гробница? Мне кажется, кроме императора, такое никто бы не потянул□

□Заживо похороненные слуги? Тогда скрежет и рёв — их обида?□

□Раз уж заговорили... я вспомнил одного исторического императора, который умел спускать деньги□

□Император-транжира, да? Причём после него потомкам не осталось почти ничего ценного, и до сих пор никто не знает, куда он дел всю личную казну!□

□Редкий момент, когда я понимаю императора. Моя зарплата тоже как-то сама исчезает, и никто не знает куда Т-Т□

□Такое чувство, что Гугу и Чжичжи очень хорошо знают это место. Тут перекрёстков как в лабиринте, а они просто вот так легко вышли куда надо. Это нормально? Это всё ещё мой Гугу с богом невезения на плечах?□

□И печать у входа Гугу тоже переписал с первого раза. Я сначала думал, он просто настолько сильный□

□Теперь будут открывать гроб?□

□В обычной ситуации я бы сейчас струсил. Но раз вокруг уже нашествие злых духов и конец света, решил быть смелее□

□Что высунешь голову — удар, что спрячешь — всё равно удар, да?□

Ци Гу быстро подошёл ближе. Переглянувшись с Линь Ханьчжи, без всяких колебаний положил ладонь на тяжёлую крышку и толкнул вперёд.

Гроб медленно открылся.

Тяжёлый скрежет особенно отчётливо прозвучал в чёрной погребальной камере. Примерно через минуту Ци Гу увидел, что находится внутри.

Там лежали два скелета. На одном истлело чёрное императорское одеяние с драконами, на другом — чиновничья одежда пятого ранга.

Это была совместная могила императора и его подданного.

Зрителям ещё требовалось время на догадки, но Ци Гу и Линь Ханьчжи знали предысторию и одновременно выпалили:

— Император-транжира и глава Сытяньцзяня.

— Именно здесь глава Сытяньцзяня и император, договорившись, потратили огромные средства и построили место, где заперли бесчисленные буйствующие восставшие тела. На это ушло невероятное количество железной руды, а ещё здесь действует магия главы Сытяньцзяня. Поэтому постройка не разрушилась и не сгнила за тысячу лет, — объяснил Линь Ханьчжи, но взгляд его остановился на переплетённых костях рук императора и главы Сытяньцзяня.

□??? То есть император-транжира и глава Сытяньцзяня потратили столько денег ради спасения мира?!□

□А-а... и за это их тысячу лет неправильно понимали□

□Я исторический шиппер этой пары, я сейчас сойду с ума а-а-а-а!□

□Они похоронены вместе! Вместе!□

□Моя несчастная пара, которая спасала мир и ещё тысячу лет получала за это насмешки!□

Кисти давно превратились в белые кости и лежали друг на друге, неразделимые.

Между ними виднелся блестящий оттенок, до странного знакомый.

Линь Ханьчжи осторожно поддел предмет костяным клинком, и взгляд его мгновенно стал острым.

Это была Подвеска единого сердца из зелёного нефрита. Император-транжира и глава Сытяньцзяня держали её вместе тысячу лет, словно по-прежнему клялись в единстве сердец.

Но важнее другое... Она ничем не отличалась от Подвески единого сердца, которую чиновник Подземного мира подарил Ци Гу и Линь Ханьчжи. Не только нефрит был почти того же качества — даже резьба выглядела так, будто обе вещи сделал один мастер.

Одной рукой Линь Ханьчжи держал целую подвеску, а другой поднял запястье со своей половиной и приблизил её к половинке на руке Ци Гу. Как только две части соединились, вспыхнул яркий свет. Мягкое белое сияние полностью осветило гробницу.

...

Оказывается, Подвеска единого сердца существовала не в одном экземпляре, а парой.

Одна хранит обещание прошлой жизни, другая оберегает нынешнюю.

□Одинаковые подвески!□

□Ух...□

□Так император-транжира и глава Сытяньцзяня в гробу — прошлые жизни Гугу и Чжичжи?□

□Тогда в прошлой жизни был плохой конец. Если память не изменяет, глава Сытяньцзяня умер в двадцать, император — в тридцать. Между ними пять лет разницы, то есть через пять лет после его смерти император тоже умер от тоски□

*

Тысячу лет назад северный снег несло по столице ледяным ветром.

В императорской спальне работал подогрев пола, а у кровати стояли жаровни с углём. В помещении было тепло, словно весной во время цветения. Из-за этой жары даже цветы в горшках, которым полагалось распускаться только весной, раньше времени выпустили бутоны.

Но лежавший на кровати глава Сытяньцзяня всё равно слабел день ото дня. Он становился всё худее, губы — всё бледнее.

Каждый день первым делом после заседаний император приходил к нему.

И каждый день именно тогда в спальне становилось тяжелее всего: по приказу императора после окончания заседаний придворный лекарь приходил проверять пульс главы Сытяньцзяня.

Пальцы лекаря лежали на тонком запястье. Он явно хотел что-то сказать, но не решался, а брови уже спутались в тугой узел.

Император спросил:

— Как он?

Диагноз несколько раз прокатился по языку лекаря, но в конце концов тот резко упал на колени и, дрожа, не произнёс ни слова.

Слабым голосом, почти без сил, глава Сытяньцзяня сказал:

— Пусть уходит. Я своё тело знаю.

Раз он заговорил, император в итоге не стал мучить лекаря и махнул ему рукой. Заодно велел выйти всем евнухам и служанкам.

Император сел у кровати и с предельной осторожностью обнял всё более тонкую талию главы Сытяньцзяня. Затем взял стоявшую рядом тёплую рисовую кашу с сушёным гребешком и куриным фаршем, несколько раз помешал фарфоровой ложкой, чтобы остудить, и мягко сказал:

— Мне сказали, ты сегодня ещё ничего не ел. Я покормлю тебя немного, хорошо?

— Раньше, когда ты приходил во дворец, это было твоё любимое блюдо.

Глава Сытяньцзяня обожал вкусную еду. Стоило императору сказать, что дворцовая кухня придумала новое блюдо, как он меньше чем через четверть часа непременно появлялся перед ним.

Но теперь человек, который любил еду больше всего, ослаб настолько, что лишился аппетита. Даже любимое блюдо стояло перед ним — а он не мог проглотить ни кусочка.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949252>